

УДК 342 (67.400.1)

Юридические фикции в основах конституционного строя России**Коваленко А.С.**

Старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, аспирант
Алтайского государственного университета (Барнаул)

Юридическая фикция является сложным и многогранным правовым явлением, интерес к которому не угасает с течением времени. В научной литературе сформировано теоретическое представление о юридической фикции, выделены различные подходы к ее правовой природе. Однако особенности и проявления юридических фикций в отечественном конституционном праве исследованы весьма фрагментарно.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей действия юридических фикций в основах конституционного строя России. Для этого выделяется конституционно-правовая фикция как разновидность юридической фикции, используются принципы «двойственного» подхода для выявления специфики действия конституционно-правовых фикций в основах конституционного строя России. Приводятся примеры проявления юридической фикции в нормах Конституции РФ, федерального законодательства.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что обобщены и представлены характерные черты действия правовых фикций в основах конституционного строя, к числу которых отнесены абстрактные правовые понятия и принципы, скрытость (латентность), политическая и идеологическая выраженность и обусловленность.

Ключевые слова: юридическая фикция, конституционно-правовая фикция, конституционное право, основы конституционного строя России, абстрактные правовые понятия, политическая выраженность

Юридическая фикция, будучи универсальным технико-юридическим приемом разработки и реализации норм права, признающим несуществующее положение существующим [1, с. 83], присутствует во всех отраслях права с присущими ей особенностями, обусловленными спецификой самой отрасли. В научной литературе высказываются мнения о концентрации юридических фикций в процессуальных отраслях российского права в связи с детальностью их правового регулирования. Однако полагаем, что для конституционного права России в не меньшей степени характерно признание существующего несуществующим и наоборот, то есть согласие с отклонением от действительности в качестве некой условной истины. Это дает основания, во-первых, для утверждения о действии юридических фикций в конституцион-

ном праве России, во-вторых, для выделения конституционно-правовой фикции как особой разновидности юридической фикции.

Е.С. Аничкин определяет конституционно-правовую фикцию в качестве нормативного положения, содержащегося в Конституции РФ и иных источниках конституционного права, которые признают заведомо несуществующее положение существующим и наоборот, а также имеющих отраслевую особенность [2, с. 100].

Конституционное право определяет основы государственного устройства, задает институционально-нормативные векторы развития и правового регулирования других отраслей права. Предмет конституционного права составляют различные общественные отношения, которые характеризуют в том числе основы конституционного строя России.

Юридическая фикция позволяет в рамках отрасли отечественного конституционного права устанавливать определенный вектор развития общественных отношений, правовое регулирование которых должно быть надлежащим образом сформировано. Иное неосознанное проявление конституционно-правовой фикции может возникнуть при расхождении конституционных принципов, норм Конституции РФ, регулирующих основы конституционного строя с положениями текущего законодательства, смысловым толкованием Основного закона, придаваемым органом конституционного контроля.

Конституционно-правовые фикции в основах конституционного строя имеют ряд характерных особенностей:

1. Сферой действия конституционно-правовых фикций являются преимущественно абстрактные правовые понятия и принципы.

Полагаем, что именно в статьях главы первой Конституции РФ наиболее ярко проявляется сфера действия конституционно-правовых фикций, связанных с использованием абстрактных правовых понятий и принципов, таких как «демократическое государство», «правовое государство», «социальное государство», «суверенитет», «народ», «федеративное государство», «принцип разделения властей», «равноправие субъектов Российской Федерации», «самостоятельность местного самоуправления» и других. Как правило, у таких понятий, отсутствуют легальные определения, не детализированы правовые признаки, что обуславливает их смысловую подвижность в зависимости от складывающейся конъюнктуры [2, с. 93].

Подобного рода абстрактные правовые понятия и принципы не имеют единого доктринального определения, отличаются вариативностью смыслового наполнения, обусловленного в том числе причинами идеологического и политического характера.

В то же время данная проблема в ряде случаев решается путем принятия поправок к Конституции РФ. Так, понятие «социальное государство», закрепленное в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, получило правовое наполнение в ходе конституционной реформы 2020 г. Конституция РФ была дополнена ст. 75.1 [3] о создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан с имплементацией таких понятий, как «социальное партнерство», «политическая и социальная солидарность». Конституционный Суд РФ в заключении о соответствии Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» отметил, что указанные в ст. 75.1 Конституции РФ условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан конкретизируют положения о социальном государстве [4].

Конституция РФ определяет единственным источником власти в стране ее многонациональный российский народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), принцип народовластия является основополагающим для развития избирательной системы, принципов формирования органов государственной власти и местного самоуправления. Конституционного строя не существует без реализации принципа суверенитета народа.

Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ). Конституционные основы проведения референдума непосредственно закреплены в положениях Федерального конституционного закона от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [5]. Действующий Федеральный конституционный закон пришел на смену Федеральному конституционному закону от 10.10.1995 № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» 1995 г. [6]. За период существования указанных нормативных правовых актов общероссийские референдумы не проводились. В истории современной России референдумы были 25 апреля и 12 декабря 1993 г.

Современные инициативы проведения всероссийского референдума заканчивались на стадии отказа в регистрации инициативных групп. Например, Постановлением Центральной избирательной комиссии РФ от 17.10.2018 г. № 186/1459-7 «Об инициативах проведения референдума в Российской Федерации» прекращены все процедуры по реализации инициативы проведения референдума Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением возраста, по достижении которого граждане Российской Федерации получают право на назначение пенсии по старости [7]. В связи с тем, что было зарегистрировано несколько региональных подгрупп в разных субъектах РФ со схожими по смыслу и содержанию формулировками вопроса, то не представлялось возможным в силу требований Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации» (п. 18 ст. 15) объединить их в единую инициативную группу по проведению референдума.

Положения о порядке созыва и проведения общероссийского референдума неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ.

При рассмотрении одного из таких дел судьей Конституционного Суда РФ В.О. Луциным было изложено мнение, в котором он отметил, что Конституционный Суд РФ, признав не противоречащим Конституции РФ оспоренный закон, указал на формальную возможность проведения не менее двух референдумов в рамках четырехлетнего избирательного цикла, однако этим требованиям закон и не отвечает. Таким образом, фактически создана

«квазинорма», установившая новые условия действия закона о федеральном референдуме [8]. Подтверждение конституционности названного Закона сделало право на референдум в РФ, возможно, самым нереализуемым положением Конституции РФ.

Путь к становлению и реализации основных идей правового государства, к которым традиционно относят легитимность публичной власти, взаимную ответственность государства и личности, разделение властей, неблизкий и не быстрый. За прошедшие более тридцати лет с даты принятия Конституции РФ была проведена, безусловно, большая работа по формированию законодательной базы по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, институционализации и структуризации системы общественных объединений и движений граждан (в т.ч. и политических партий), формированию избирательной системы.

Сам по себе активный законотворческий процесс еще не тождественен наличию правовой культуры и равенству всех перед законом. Ведь главная идея правового государства – связанность государства правом, гарантирующим предсказуемость и надежность действий государства, подчинение государства праву, защиту граждан от возможного произвола государства и его органов [9, с. 118].

Одним из подтверждений отчасти слабой реализуемости конституционной нормы о правовом государстве служит, например, информация из ежегодного доклада Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей о результатах своей деятельности за 2023 г. В нем приводятся следующие данные: за отчетный период в адрес федерального Уполномоченного поступило 125 367 обращений, из них 14 603 (11,65 %) – это обращения по защите прав предпринимателей по категории «уголовные дела», 110 764 (88,35 %) – по категории «административные дела». Количество подобного рода обращений остается довольно высоким из года в год. В качестве причины столь значительного их числа по категории «уголовные дела» указывается «незаконное уголовное преследование» [10]. Статистика рассмотрения судами уголовных дел по статьям, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, например, за 2022 г. является тому подтверждением: «В прошлом году судами рассмотрено 5,8 тыс. дел о предпринимательстве в отношении 6,6 тыс. лиц, осуждено 73 %, а в отношении 27 % уголовное преследование прекращено судом» [11].

Президент РФ В.В. Путин неоднократно ставил вопрос о разрешении ситуации с имеющим массовый характер необоснованным уголовным преследованием предпринимателей. Например, в своем Послании Федеральному Собранию РФ в 2019 г. отметил: «Сегодня почти половина дел не доходят до суда, ... а это значит, что возбуждали кое-как или по

непонятным соображениям». Глава государства сделал акцент, что проблемы кроются в законодательстве и правоприменительной практике [12].

Конституционно-правовые фикции в правовом регулировании основ конституционного строя обнаруживаются в абстрактных, слабо идентифицируемых понятиях с подвижным смысловым наполнением. Приведенные в качестве примеров положения Конституции РФ в некоторых случаях свидетельствуют о проявлении фиктивности отдельных норм, составляющих содержание конституционного строя.

2. Конституционно-правовые фикции являются скрытыми (латентными), поскольку формально текст нормативного правового акта остается неизменным.

Модификация смысла нормы Конституции РФ может происходить посредством ее толкования Конституционным Судом РФ и принятия законодательных актов, изменяющих ее первоначальный смысл. Векторы правового развития основ конституционного строя получают не всегда адекватное наполнение в иных нормах Конституции РФ, федерального и регионального законодательства, что приводит к дискредитации соответствующей конституционно-правовой идеи в обществе и, как следствие, превращению этой идеи в фиктивную.

Классическим примером конституционно-правовой фикции является положение ч. 1 ст. 5 Конституции РФ о равноправии субъектов Российской Федерации, согласно которому Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации, во взаимосвязи с частью второй этой же статьи Конституции России, в которой термин «государство» используется для обозначения республики как субъекта Российской Федерации.

И.В. Сухина полагает, что ч. 2 ст. 5 Конституции РФ является юридической фикцией, так как с понятием «государство» всегда связано понятие «суверенитет», предполагающее верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и внешнюю независимость, а республики, как и все другие субъекты Российской Федерации, суверенитетом не обладают, ибо это нарушило бы конституционный принцип равноправия субъектов Российской Федерации [цит. по: 13].

Такое приравнивание понятий «государство» и «республика» в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ привело к появлению в конституциях республик положений об их суверенитете, независимости и полноте всей власти многонациональных народов республик и явилось основанием для признания таких положений не соответствующими Конституции РФ и не подлежащими применению [14]. Особый смысл по-

нения «республика», заложенный в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, был выявлен лишь в процессе толкования Конституции РФ. Следовательно, норма ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, расценивая республику как государство, признает несуществующее существующим, что является проявлением конституционно-правовой фикции.

Текст конституционно-правовой нормы остается неизменным, но интерпретация, данная органом конституционного правосудия, придает фиктивность конституционно-правовой норме в части приравнивания понятий «республика» как субъекта Российской Федерации и «государство». В приведенном примере юридическая фикция проявляется в виде несовместимости отождествленных в смысловой цепочке правовых понятий.

Иллюстрацией данной особенности конституционно-правовой фикции может служить развитие положений ст. 12 Конституции РФ о местном самоуправлении, его самостоятельности как одной из основ конституционного строя в других нормах Конституции РФ, текущем законодательстве.

Принцип независимости местного самоуправления приобретает характер фиктивного в связи с возникновением напряжения между положениями ст.ст. 12 и 131 Конституции РФ и отраслевым законодательством. Это проявляется в том, что положение ч. 1 ст. 131 Конституции РФ о самостоятельности населения в определении структуры органов местного самоуправления в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом, входит в противоречие с принципом независимости местного самоуправления, заложенным в ст. 12 Основного закона. В то же время закрепляет фактически сложившееся правовое регулирование по данному вопросу.

Структура органов местного самоуправления, определённая ст. 34 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [15], с установлением наличия в качестве обязательных: представительного органа, главы муниципального образования и местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) не предполагает вариативности и провозглашенной независимости в ее определении. Уточненное в ходе конституционной реформы 2020 г. положение ч. 1 ст. 131 Конституции РФ минимизирует независимость населения в этом вопросе, оставляя на усмотрение местного населения вопрос о включении в структуру органов местного самоуправления контрольно-счетного органа (ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ) [15].

Критической точки зрения придерживается А.А. Кондрашев, настаивая на том, что де-юре уста-

новлена жестко централизованная система государственной власти, в которую интегрированы и органы местного самоуправления. Они включены в систему органов публичной власти. Все эти новеллы полностью входят в противоречие со ст. 12 Конституции РФ, эти нормы ликвидируют в полной мере самостоятельность органов местного самоуправления [16].

3. Выраженная политическая или идеологическая окраска.

Необходимо отметить, что конституционно-правовые фикции в научной литературе традиционно характеризуются наличием политической, идеологической составляющей, что гораздо реже или вовсе не упоминается учеными по отношению к юридическим фикциям в других отраслях права.

Конституционные критерии демократии – абстрактное явление, наполнение которого возможно в зависимости от политико-идеологического курса. Россия есть демократическое государство (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), в котором высшим выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ). В процессе осуществления многонациональным народом России своей власти заметную роль играют политические партии.

Требования к численности политической партии (пп. «б» п. 2 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [17]), варьировались, начиная с 2010 г. до 45 тыс. членов партии (с 01.01.2010 г. до 01.01.2012 г.), далее до 40 тыс. членов партии (с 01.01.2012 г. до 03.04.2012 г.), и с 3 апреля 2012 г. до 500 членов партии [18].

По состоянию на 1 января 2015 г. количество политических партий, зарегистрированных на территории Российской Федерации, составляло 75 [19], но уже по состоянию на 1 января 2024 г. – 25 [20]. Согласно требованиям Федерального закона от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», политическая партия ликвидируется по решению Верховного Суда РФ, в том числе и за неучастие в выборах в течение семи лет. Манипуляции с правовой регламентацией построения многопартийности привели к тому, что подавляющее большинство россиян в той или иной степени не доверяют существующим партиям [21], не принимают участия в их деятельности.

Законодателем был допущен существенный дефект логики конституционно-правового регулирования создания и деятельности политических партий, выразившийся в том, что для регистрации федеральной партии необходимо 500 чел., а для регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 200 тыс. подписей избирателей [22]. Это привело к нивелированию значимости института политической партии, деятельность некоторых из них порой ограничивается рамками одного избирательного цикла.

Ст. 13 Конституции РФ провозглашен принцип многопартийности, федеральным законодательством установлены гарантии деятельности политических партий [23]. Полагаем, что возведенный на конституционный уровень один из элементов демократического государства – принцип многопартийности в действительности слабо реализуется по причинам неправового характера.

Возможности для представителей непарламентских партий в проведении мероприятий в помещениях, находящихся в государственной и муниципальной собственности, доступа к государственным и муниципальным средствам массовой информации практически ограничены.

Реализация права на участие в выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации для многих непарламентских политических партий является весьма затруднительной в силу действующего правового регулирования порядка выдвижения кандидатов. Отметим, что положение ч. 6 ст. 22 Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [24] о поддержке выдвижения кандидата на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации депутатами представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации как необходимом условии регистрации кандидата на соответствующих выборах рассматривалось Конституционным Судом РФ на предмет оценки соответствия данной нормы Конституции РФ [25]. Как указывали заявители, данная норма «вводит необоснованные ограничения, не позволяет в условиях значительного преобладания на местном уровне представителей одной из политических партий получить статус зарегистрированного кандидата лицам, выдвинутым от других политических партий или в порядке самовыдвижения». Действительно, например, по итогам выборов в 2023 г. высших должностных лиц в 21 субъекте Российской Федерации 19 кандидатов, одержавших победу, были выдвинуты Всероссийской политической партией «Единая Россия», 2 – Коммунистической партией Российской Федерации [26]. Находим, что данный пример демонстрирует, что принцип многопартийности в некоторых аспектах его реализации становится сферой действия конституционно-правовой фикции именно по причинам политического характера.

Подытоживая вышесказанное, можем резюмировать, что юридические фикции в правовом регулировании основ конституционного строя действуют в абстрактных правовых понятиях и принципах, что является закономерным процессом в силу специфики конституционных норм. Конституционно-правовые фикции, обнаруживающие себя непосредствен-

но в декларируемых гл. 1 Конституции РФ нормах, на наш взгляд, выполняют важную роль, признавая существующими обстоятельства не соответствующими действительности, определяя вектор развития правового регулирования. Но во взаимосвязи с нормами, развивающими конституционные догмы политического режима и устройства государства, они иногда приобретают характер фиктивных норм, что приводит к негативному правовому эффекту. Характерной особенностью юридических фикций в основах конституционного строя России является политическая и идеологическая причина возникновения.

Дальнейшее изучение влияния конституционно-правовых фикций, действующих в основах конституционного строя России, имеет перспективу и важное значение для совершенствования текущего законодательства с целью наибольшего соответствия писаного права общественным отношениям.

Литература:

1. Танимов О.В. Теория юридических фикций / Отв. ред. Т.В. Кашанина. – М.: Проспект, 2016. – 225 с.
2. Аничкин Е.С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности виды, действие // Научн. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 87–105.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1855.
5. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
6. Федеральный конституционный закон от 10.10.1995 г. № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. – 1995. – № 42. – Ст. 3921.
7. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 17.10.2018 г. № 186/1459-7 «Об инициативах проведения референдума в Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – № 235.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2003 г. № 10-П «По делу о проверки конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 25. – Ст. 2564.
9. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. – М.: Проспект, 2019. – 578 с.
10. Доклад Президенту РФ – 2023. – URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html
11. В 2022 г. суды прекратили уголовное преследование более чем четверти бизнесменов // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/886171>.
12. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. – 2019. – № 38.
13. Мосин С.А. Конституционные принципы и презумпции-принципы. – М.: Юстицинформ, 2018. – 135 с.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. – 2000. – № 29. – Ст. 3117.
15. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (по сост. на 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
16. Кондрашев А.А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустранимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – URL: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/44909992>
17. Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (по сост. на 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.
18. Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // СЗ РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1721
19. Список политических партий, зарегистрированных Минюстом России, на 1 января 2015 г. – URL: <https://rg.ru/2015/05/19/partii-dok.html>
20. Министерство Юстиции РФ // Сайт Министерства Юстиции РФ. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>
21. Кынев А. Редизайн системы: что ждет новые российские партии. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/06/02/2020/5e3acbce9a79473df27d5b81>
22. Федеральный закон от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (по сост. на 29 мая 2023 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.
23. Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (по сост. на 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 29. Ст. 2950.
24. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (по сост. на 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. – 2021. – № 52 (ч. I). – Ст. 8973.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. II). – Ст. 8062.
26. Сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – URL: <http://www.cikrf.ru/?ref=tjournal.ru>

Legal Fictions in Foundations of the Constitutional System of Russia

Kovalenko A.S.
The Altay State University (Barnail)

A legal fiction is a difficult and multifaceted phenomenon, and it is a permanent object of scientific interest till a long period of time. Theoretical understanding, different approaches to understanding legal background about the legal fiction are formed and presented in scientific literature. But features and demonstrations of a legal fictions in modern constitutional law are explored partially.

The purpose of this issue is to identify features of actions of the legal fictions in the foundations of constitutional system of Russia. To reach this purpose the constitutional fiction is determined as one of type of a legal fictions, the author uses the principles of a dual approach to find specific manifestations of the legal fictions in norms of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation.

The scientific novelty of this issue consists of generalization and presentation of specific features of the legal fictions in the foundations of constitutional system of Russia, in which are abstracts legal concepts and principles, political and ideological expression.

Key words: constitutional fiction, constitutional law, the foundations of constitutional system of Russian Federation, abstract legal concepts, political expression

